

ВЫСТАВКА ГАСТОНА ЛАТУША

Не самая ценная, но самая радостная из выставок этого времени.

Латуш — воплощение парижской элегантности, — элегантности красивой, светской, чуждой надрывов и самоотверженных исканий в искусстве.

Он творит в формах уже готовых, он говорит словами уже сказанными.

Но он вольно, красиво, изящно их выгибает, и старинные флейты по-новому звучат под его пальцами.

Под светскими манерами — корректными и безукоризненными — он скрывает чувственные и обольстительные образы, он шепчет чарующие и нежные слова отроческой влюбленности.

Природа под его кистью становится ароматной и волнующей, как складки женской одежды, как тонкое кружево, приникшее к чьему-то милому телу.

Солнечный свет для него таит экстазы чувственности. Солнечный свет становится шелком, батистом, кисеей, атласом, газом, в которые закутана вдохновенная нагота земли.

Его старые, пронизанные зелеными лучами, парки похожи на туалеты элегантной парижанки.

Желтые хризантемы бальных огней, повторенные зеркалами и дробящиеся в ледяном хрустале люстр, огненно-шафранную мутью сияющие в тенях, для него сливаются незаметно и естественно с лимонной желтизной осенних астр, сквозящих сквозь разодранные шелка увядающей листвы.

В женщине он любит девушку.

В страсти — лишь невыявленные молчания влюбленности и ореолы первых поцелуев.

Он любит писать большие летние комнаты, белые стены которых окаймлены бронзовыми орнаментами.

Букет роз сладостно роняет лепестки на темный лак красного комода.

Зеркала приподымают к потолку свои зеленоватые воды, в которых мерцает приотворенная дверь в сад.

Полуденный свет золотыми брызгами прорывается сквозь спущенные жалюзи.

И в углу комнаты около дивана склоненная золотистая головка юной девушки в бальном платье, которая безвольно отдает свои тонкие пальцы поцелуям влюбленного.

И тонкое девичье плечо волнующе обнажается под спустившимся рукавом платья.

Латуш чарует тем, что его девушкам всегда семнадцать лет, что их тонкие плечи с неизъяснимой лебединой скромностью встают из опустившихся кружев, что его комнаты всегда в стиле Louis XVI, что на восковых свечах надеты маленькие колпачки, которые бросают странные тени на лица ужинающих; что в глубине комнаты две головы всегда сдвинуты слишком близко; что в летних комнатах всегда царит то молчание влюбленности, когда сердце замирает от сладостной боли, точно истекает жизнью.

В таких комнатах Латуш любит рисовать маленьких обезьянок и влюбленных фавнов.

Обезьянка то раздирает лепестки пунцовой розы на бронзовом подзеркальнике, то тербит крылья смущенного амура, к телу которого прижалась лицом влюбленная женщина, то спит в глубоком кресле около постели своей госпожи.

На многих картинах эти обезьянки становятся людьми и, одетые во фраки и в бальные платья, олицетворяют тогда человечество, которое уже стало старше семнадцати лет.

Фавны — это таинственные гении дома, домовые его элегантных гостиных.

Их шерсть ласково сливается со старыми гобеленами, и копыта их мягко тонут в глубоких коврах.

Ласковые фавны — это влюбленные и чувственные грезы молодых девушек.

Когда те спят на диване, они шепчут им на ухо какие-то тайные слова; они играют старинные напевы на длинных

флейтах; в них добрая ласковость собаки слита с таинственными голосами леса.

По осеннему лесу едет красная карета, вся овитая желтыми мелодиями осыпающихся листьев.

Сквозь зеркальное окно видно, как чья-то голова опустилась на плечо невесты; и фавн, прицепившись на запятках, насвистывает на флейте надрывающие напевности осенней влюбленности.

По ночному бассейну, взбаламученному веслами и окруженному боскетами, ладья, окруженная, как блюдо, гирляндами зелени и сияющими апельсинами бумажных фонарей, от которых вспыхивают струйки под кормой, несет тех же влюбленных.

Сквозь ледяные завеси фонтана рассыпается сноп вдохновенного фейерверка, и те же фавны, стоя, правят веслом.

Одно невыносимо у Латуша: постоянное присутствие влюбленных мужчин в черных фраках и смокингах.

Но, быть может, это вовсе не из-за того, что они плохо нарисованы, а только из ревности?

К каталогу выставки Гастона Латуша — вместо предисловия приложена поэма Ростана,¹ посвященная его искусству.

В изысканных строфах, переплетенных редкими рифмами, он славит художника, в пейзажах которого слышатся

... «вздохи Верлэна
Во флейтах Ватто».²

Он заповедует ему писать «лебедей, обнаженные руки, водометы и нимф, купающихся среди облетевших листьев в версальских бассейнах, которыми трепещет сердце Анри де Ренье».

«Пой же нам снова и снова старые напевы влюбленности, переплетая их капризно, дерзко и виртуозно с мелодиями текущего мига».